

18+

БОРИС ПОЛЯКОВ

СКАЗКИ НА НОЧЬ

Борис Поляков
**Сказки на ночь. Страшные
и фантастические истории**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73554003

ISBN 9785006954366

Аннотация

Последний человек на земле, выживший в ядерном апокалипсисе, сумасшедший учёный, мечтающий о вечной жизни, девочка-оборотень, мстящая подонкам, подводное чудовище, терроризирующее озеро и многое другое в книге Бориса Полякова «Сказки на ночь».

Содержание

Последний поэт	5
Собаки	25
Регенератор	36
Цветы папоротника	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

**Сказки на ночь
Страшные
и фантастические истории**

Борис Поляков

© Борис Поляков, 2026

ISBN 978-5-0069-5436-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последний поэт

Избранные места из дневника

*От нас, когда недвижны и чисты,
сойдём во тьму молчания отпетого,
останутся лишь тексты и холсты,
а после не останется и этого.*

Игорь Губерман

21 августа 2044 г.

Сегодняшний день особенный. Трагический день. Смерть расправила крылья и закрыла собою всю мою страну. Не исключено, что и весь мир. Сегодня началась Третья мировая война. Собственно говоря, она началась почти год назад, когда Южно-Кавказская республика ворвалась в Турцию. Но затем в конфликт были втянуты и другие государства: сначала Россия и Афганистан, затем Арабская Федерация и Китай... А потом и мы. Но до сегодняшнего дня война шла «по старинке»: танки, самолёты, пехотинцы... Пока чья-то безумная рука не нажала зловещую кнопку. А потом вторую, третью... И мир взорвался ключьями. Ядерные «грибы» выросли там, где когда-то шумели муравейники мегаполисов. И мегаполисов не стало...

Не знаю, остались ли где-либо на планете островки человеческой цивилизации или всё человечество, находящееся на поверхности, погибло. Не знаю, осталось ли хоть од-

но государство, не затронутое безумием. Знаю одно: если и есть у человечества шанс пережить Третью мировую войну, то людям придётся вначале упасть в пропасть одичания, прежде чем начать восхождение к Разуму заново, ведь все достижения науки и искусства ввергнуты в хаос, сожжены безжалостным ядерным огнём. В один миг не стало ни небоскрёбов, ни Интервидения, ни Программы рационального деторождения... Ничего! Вот так вот – раз! – и белый свет превратился в чёрный.

Живы только те (во всяком случае, пока), кто укрылся в индивидуальных убежищах глубоко под землёй, а всё это – люди не бедные, поэтому их не может быть много. Не исключая возможности того, что где-нибудь, в какой-нибудь глухомани, ядерные волны прокатились мимо, но мне от этого не легче: мой город в руинах, моя страна под слоем пепла, моя семья – в убежище. Как и я.

Слава богу, ядерная тревога была объявлена вовремя, за полчаса до разразившегося кошмара, поэтому мы (как и другие счастливики, я думаю) успели спуститься в бункер. В убежище, на глубине пятьсот метров, мы ощущали только вибрацию от взрыва или взрывов и не видели ослепляющей вспышки, не ощутили мощь ударной волны, сжигающую и сметающую всё на своём пути.

Счастливики... Нас четверо. Моя жена Алия, мой двенадцатилетний сын Саша и пятилетняя дочурка Руфа. Ну и конечно я, Алекс Солт, больше известный как Алекс Солярис.

Думаю, я не нуждаюсь в представлении, ибо мой творческий псевдоним известен любому школьнику практически в любой стране мира... Впрочем, был известен до сегодняшнего дня.

Если же предположить, что читателю сего дневника (если таковой случится) вдруг не совсем понятно, о чём речь, представлюсь для несведущих: Алекс Солярис, поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе 2037 года, основатель Всемирной академии поэзии, автор десяти бестселлеров, в том числе романа в стихах «Владимир Путин» и поэмы «Интервидеогаллюцинации». Ну и прочее в том же духе.

Одним словом, невероятный читательский интерес к поэзии в начале тридцатых годов сделал меня и ещё некоторых людей сказочно популярными и богатыми. Это и дало мне возможность купить индивидуальное убежище на четырёх человек с гарантией двадцатилетнего проживания в нём.

Убежище наше оборудовано по последнему слову передовой научной мысли: регенерационные установки воды, воздуха и электричества, запас продовольствия – двадцать лет, глубина шахты – пятьсот метров, шесть жилых комнат, два санузла с биоутилизаторами, несколько складских и технических помещений... Короче говоря, насчёт безопасности я не волнуюсь.

25 августа 2044 г.

Не думал, что несколько дней безделья в замкнутом про-

странстве убежища так вымотают меня. Алия и дети чувствуют себя превосходно и особых неудобств не испытывают: супруга занялась своим любимым вязанием, Саша и Руфа очень быстро оправились от испытанного шока (всё-таки ядерная война – шок, не так ли?) и вернулись к обычным для их возраста играм и дурачествам. Один лишь я, лишённый общения с представителями культуры и искусства, изнемогаю и страдаю, словно оказался один-одинёшенек на необитаемом острове, ведь общение с Алиёй и детьми не приносит мне желаемого удовлетворения – разный интеллектуальный уровень.

Алия готова сутки напролёт вязать никому не нужные вещи и на семь рядов смотреть одни и те же мелодрамы (благо, дисков с фильмами полно), у Саши – компьютерные игры и сестрёнка, с которой он бесится до одури. А у меня? Укомплектовать в убежище библиотеку я не успел, Интервидение отсутствует... И даже радио молчит.

27 августа 2044 г.

В очередной раз пытался поймать какой-нибудь радиосигнал. Тщетно. Одни лишь статические помехи. Неужели весь мир провалился в тартарары?

Дети раздражают свои вечным шумом, жена – молчанием. Так недолго и свихнуться.

3 сентября 2044 г.

Ура! Выход найден!

Имею в виду не выход из вынужденного заточения – с миром всё кончено – а выход из безумия, в которое я начал постепенно погружаться. Это – поэзия!

Чем ещё может заняться поэт с кучей свободного времени?

Горькая ирония...

Как бы то ни было, теперь я знаю, чем убью массу свободного времени ГИГАНТСКУЮ массу, ведь в убежище особо заняться нечем – все системы жизнеобеспечения автоматизированы.

И замысел моей будущей работы родился как-то сразу, без особых тягостных раздумий. Это будет поэма. Возможно, величайшая за всю историю человечества. Даже не «возможно». Учитывая численность нынешнего «человечества» (известную мне), наверняка величайшая! Я назвал её «Последний поэт». Ведь это будет поэма обо мне самом. Насколько мне известно, я действительно последний и единственный поэт в этой части галактики.

4 сентября 2044 г.

Великан, сотрясая землю,
Садит ядовитые грибы,
Собирает ягоды жизни —
Таково его предназначение.

Это строки из «Последнего поэта». Первую главу я написал за ночь, если верить электронному календарю, ведь в убежище не существует дня и ночи в земном понимании. Как вам стихи? По-моему, замечательно! Это, конечно, черновой вариант, предстоит ещё кропотливая работа по оттачиванию каждой строчки до обычного для Алекса Соляри-са совершенства, но и это – не какой-нибудь графоманский опус Иосифа Шварцблума.

Или вот ещё:

Пепел набил оскомину,
Солнце капает с небес,
Лишь ветер никому не должен
И разрезает телом саму смерть.

Определённо, я гений!

7 сентября 2044 г.

Работа над «Последним поэтом» захватила меня настолько, что я не сразу обратил внимание на то, что дети стали хандрить. Одна лишь Алия невозмутима. Вяжет мне свитер.

15 сентября 2044 г.

Саша пытался покончить с собой!!!

Я и не заметил, как его хандра переросла в настоящую депрессию. Вчера Саша заперся в туалете и перерезал себе вены моим ножом для бумаг. Только какое-то мистическое

предчувствие Алии спасло его от неминуемой гибели. Она вдруг ни с того ни с сего закатила истерику, начала ломиться в запертую дверь туалета с воплями: «Саша! Саша!» Благо, щеколда на двери оказалась слишком слабой, чтобы сдерживать порыв материнской одержимости. До сих пор не понимаю, каким образом Алия почувствовала приближающуюся трагедию.

Сейчас Саша в своей комнате, с перевязанными руками, напичканный антидепрессантами под завязку. Спит. Когда просыпается – плачет, говорит, что любит Гретту из параллельного класса, а она теперь наверняка мертва, как и все в этом мире, и нет смысла продолжать жить. Мы с женой его успокаиваем как можем, даём лекарства... Ох уж эта детская влюблённость!

Руфа сильно испугалась, увидев брата с окровавленными руками. Сегодня весь день молчит, не играет, даже не плачет.

Алиа наконец-то перестала вязать. Не отходит от сына ни на шаг.

А я закончил четвёртую главу.

Подкожные реки крови
Вырвались на поверхность,
Насытились кислородом.
Паводок неудержим.

24 сентября 2044 г.

Ситуация с Сашей более-менее нормализовалась. Теперь

он спокоен. Правда почти всё время молчит, с сестрой не играет. Руфа оправилась от шока быстро, но часто хнычет, жалуется мне и Алие на безразличие к ней брата. Саша тем временем увлёкся рисованием. Видел его работы, они ужасны: нечто абстрактное, в основном красными и чёрными красками. Видимо, так он выражает своё душевное состояние.

30 сентября 2044 г.

Всё вернулось на круги своя: Саша и Руфа играют, Алиа вяжет, я пишу.

4 октября 2044 г.

Пятая глава позади.

Капает конденсат
Из чёрного жерла между
Смертельным огнём и жизнью.
Время падения капли —
Солнечный оборот.

Алиа довязала невероятно вычурный свитер, который невозможно надеть даже здесь, в отсутствие публики. Я откровенно ей об этом заявил, на что она закатила ураганный скандал, обвиняя меня во всех земных грехах, в том числе и в попытке самоубийства сына. Мол, если бы я не писал свои дурацкие стишки, а больше занимался воспитанием детей, то этого никогда бы не произошло. Пытался ей объяс-

нить, что искусство нетленно, но что возьмёшь с дочки фермера. Полнейшая дура.

5 октября 2044 г.

Не разговариваем друг с другом.

С детьми всё в порядке.

12 октября 2044 г.

Катастрофа!!! Система контроля жизнеобеспечения показывает, что установка регенерации воздуха вышла из строя!!! Как её починить, этого она не показывает! Я изучил вдоль и поперёк базу данных этой долбаной системы, но об устранении недостатков – ни слова! Увы, что касается техники – я полный дуб.

Жене о случившемся пока не говорил. Представляю, что начнётся, когда она узнает.

Не предполагаю даже, надолго ли нам хватит кислорода, но если ситуация не изменится, убежище придётся разгерметизировать.

Самое парадоксальное – чем сложнее жизненная ситуация, тем легче мне пишется. Строфы поэмы выскакивают из-под пера, как петли вязания – из-под пальцев Алии.

Холодная ладонь поглаживает горло,

Легонько царапая ногтями

Тончайший эпителий —

Ласки безглазой старухи.

А может, всё наладится само собой?

13 октября 2044 г.

Не наладилось.

Более того, начала барахлить система температурного контроля, которая отвечает и за влажность.

И где обещанная двадцатилетняя гарантия??? С кого мне теперь спрашивать? Производители этих грёбаных убежищ неплохо заработали, а товар оказался некачественный. Что мне теперь делать?

«Подай на них в суд», – иронизирую сам над собою.

Очень смешно.

14 октября 2044 г.

Дефицит кислорода начинает быть заметным. Во всяком случае, становится душно. Ещё два-три дня – и жить здесь станет невозможно.

Пришлось сказать Алие и Саше, Руфа ещё не понимает таких тонкостей. Алия в истерике. Саша спокоен и рассудителен, говорит, что знал, что рано или поздно придётся покинуть убежище.

Завтра же с утра уйдём отсюда, ибо на поверхности, возможно, у нас есть шанс выжить, здесь – нет.

15 октября 2044 г.

Безим, как крысы с тонущего корабля, пока все эти «системы жизнеобеспечения» не рассыпались, как карточный домик и пока есть электричество, ибо подняться без лифта на полукилометровую высоту по отвесной металлической лестнице с детьми и женой-истеричкой – маловероятное предприятие.

Продуктов и воды взято с собой столько, сколько можем унести. Для меня лично главный багаж – рукопись «Последнего поэта» – почти семь глав. Пишется хорошо.

Бегство с «Титаника» —
Утонуть в океане
Или сгореть на палубе?
Что предпочтительнее?

Дышать становится по-настоящему трудно.

Отправляемся наверх. Время – 13:00.

Удивительно, но, покидая убежище, все, кроме меня, рады. Неужели они не понимают, что нас там ждёт?! Ладно – дети, а что Алия? Впрочем, за последнее время я много нового узнал о своей супруге. Много малоуважительного.

Вот мы и наверху. Две метровой толщины освинцованных двери, между ними – тамбур. Электропривод открывает сначала одну, затем другую. А что, если бы электричество иссякло? Не уверен, что справился бы вручную.

Как только двери распахнулись, в нос ударило смесью одуряющее свежего воздуха (кислородное голодание усилива-

лось с каждым часом), запаха какой-то гари и смрада разложения. Что-то или кто-то гнило неподалёку от входа в убежище. А ещё – волна горячего летнего полдня. И это в середине октября!

Первые несколько минут мы молча стояли у входа в бункер и осматривались по сторонам, едва глаза привыкли к яркому свету.

Как ни странно, город (во всяком случае, наш квартал) не сильно пострадал: всюду выбиты стёкла, кое-где – трещины по стенам, но почти все здания были целы, разрушились только самые ветхие. Видимо, наш район находился далеко от эпицентра, и взрывная волна его не достигла, а причиной незначительных разрушений являлось сотрясение почвы в результате взрыва или взрывов.

Так же, как до катастрофы, турболёты и автомобили стояли на обочинах и на платной стоянке, что возле универсального магазина. Но даже отсюда, издали, было видно, что всю технику покрывает толстый слой пыли.

Всюду – режущая слух тишина. Впрочем, нет, кое-где слышны шорохи – это крысы. Кроме них никакой жизни в округе не наблюдается.

Наш дом, в сотне метров от убежища, выглядит абсолютно невредимым, если не считать выбитых стёкол. Мы берём свой багаж и направляемся туда.

Запах разложения действительно чувствуется отовсюду. Видимо, в зданиях и около них разлагаются неубранные тру-

пы животных или даже людей. Тьфу! Что я такое говорю! Кто бы их убирал? Наверняка все люди погибли, и источают зловоние именно человеческие тела.

В доме – хаос. Такое впечатление, что квартиру разгромили злоумышленники: книги и вещи разбросаны, пыль и штукатурка, осколки стёкол и зеркал... Уборки в доме хватит на несколько дней. Когда же я смогу продолжить поэму? Впечатлений – масса.

16 октября 2044 г.

Насколько днём было одуряющее жарко, настолько ночью – невыносимо холодно. Примерно с тридцати пяти по Цельсию (по моим ощущениям) температура упала до пяти-восьми градусов выше нуля. Всю ночь кутались в одеяла, а ледяной ветер гулял по квартире, как у себя дома.

Утром пришлось идти в универсальный магазин в поисках полиэтиленовой плёнки, чтобы хоть как-то заделать выбитые окна. Металлическая дверь в магазине оказалась запертой. Видимо, когда объявили тревогу, все посетители и персонал покинули здание. Но что мне дверь, когда все стёкла – вдребезги, даже прочные витринные.

Попав внутрь, пробираюсь через завалы товаров в хозяйственный отдел. Почти вся продукция магазина – на полу, часть стеллажей также опрокинута. В продуктовом отделе вижу разжиревших крыс – лопают чипсы и карамель. Из неработающих холодильников несёт тухлятиной.

Нахожу плёнку. Беру целый рулон. На обратном пути за-вернул в овощной отдел и набрал свежего картофеля, выбрав из поеденных крысами и сгнивших корнеплодов более-мене приличные – сухая картошка из убежища уже поперёк горла стоит.

Заделывая окна двойным слоем плёнки (снаружи и изнутри), провозился до самого вечера. Всё-таки неважный из меня плотник, но – справился.

И когда же наконец продолжу писать? Просто изнемогаю от творческого зуда.

17 октября 2044 г.

Царство крысиного короля
Удушающих газов одеяло
Стелет на мой мир,
А я – плачу.

Полночи, в свете настольной лампы на аккумуляторных батареях, просидел над поэмой.

Теперь по дому хотя бы не гуляет сквозняк. Но всё ещё прохладно. Сегодня схожу в магазин на поиски аккумуляторов и обогревателей.

Алия навела порядок почти во всех комнатах. Детей в доме практически не вижу, они всё время на улице. Говорю им, что это вредно, но разве детей удержишь в четырёх стенах.

18 октября 2044 г.

Искал аккумуляторы, а нашёл портативную электростанцию на солнечных батареях. Дневного заряда хватает на всю ночь бесперебойной работы всего домашнего электрооборудования.

А недостатка в солнечном свете нет. Днём по-прежнему жарко и солнечно, ночью – довольно холодно.

С горем пополам разобрался с инструкцией электростанции, и даже смог самостоятельно подключить питание дома к ней. Теперь мы со светом и теплом.

Первым делом побежал включать Интервидение. Пустота. По радио тоже ничего кроме помех нет. Неужели мы одни во всём мире?

19 октября 2044 г.

Алия и я по-прежнему почти не разговариваем друг с другом, но я не особенно страдаю от этого. Теперь у меня есть моя библиотека! Что ещё нужно настоящему поэту?

24 октября 2044 г.

Дети играют в жмурки,
Прячась в унылых склепах.
Переступая трупы,
Веселятся от души.
Мир догнивает, а нам – нипочём!

Дописана восьмая глава.

1 ноября 2044 г.

Осень в зените, а погода не меняется: днём – пекло, ночью – собачий холод. Но собак нет. До сих пор не видел ни одной. Как и кошек. Только крысы.

В той – прошлой – жизни в это время года обычны затяжные дожди, пока не было даже кратковременных. Влага на землю падает лишь в виде конденсата по утрам, но для растений этого недостаточно – почти все деревья в нашем квартале погибли. Про траву и не говорю. Те деревья и кусты, в которых, похоже, ещё теплится жизнь, выглядят не лучшим образом: скрученные в трубочку листья, шелушащаяся кора.

Удивительно, но кроме тараканов не видел никаких других насекомых! Тараканы выжили.

Водопровод, понятное дело, отсутствует. В первые дни нашей жизни после убежища ходил в универсальный магазин, слава Богу, запасы минеральной воды и соков там внушительные. А вчера во дворе Гарунянов, наших соседей, обнаружил скважину с электрическим насосом. Теперь я «профи» по части электричества, поэтому в тот же день приволок такую же электростанцию, как у нас, и подключил насос. Сейчас в любое время у нас чистая холодная вода – сколько угодно.

Зашёл в дом Гарунянов. Вся их семья – супруги и пя-

теро разновозрастных детей – в гостиной. Сидят в креслах и на диване и – разлагаются. Страшное зрелище!

Ужин на семерых.

Передай мне таракана из твоей глазницы.

А червей нет, они тоже мертвы.

Может, позвать соседей?

На десерт – разбухшие языки.

Это из девятой главы. Она почти закончена. Поэма пишется ударными темпами. Вдохновения – полно.

12 ноября 2044 г.

Руфа умерла!

Внезапно у неё пошла горлом кровь, и бедняжка скончалась, промучившись не более часа. Как её мне не хватает!

14 ноября 2044 г.

Похоронили Руфу на заднем дворе.

17 ноября 2044 г.

Саша жалуется на постоянные головные боли, из дому почти не выходит.

Алия злая, как собака.

Разве ей объяснишь, что поэту не важно, будут читатели у его творения или нет, важно лишь то, чтобы это творение родилось. Предназначение поэта – жить ради рождения сво-

их стихов. Моя работа – и есть моя жизнь. Когда поэма будет дописана, тогда можно будет спокойно умереть.

23 ноября 2044 г.

Десятая глава пишется очень тяжело. Чувствую лёгкое недомогание.

Саша слёг. Бредит. Зовёт Гретту.

Алия сверкает обезумевшими глазами и бродит по дому, как привидение день и ночь, мешает работать.

24 ноября 2044 г.

Саша умер.

27 ноября 2044 г.

Два холмика по соседству —

Братец и сестричка.

Теперь вы не состаритесь.

Не ссорьтесь друг с другом, ладно?

30 ноября 2044 г.

У Алиии кровоточат дёсны и выпадают зубы, пучками лезут волосы (мои выпали ещё на прошлой неделе). Но она не обращает внимания на свою прогрессирующую болезнь, а целыми днями то смеётся, то плачет. Бедная Алия, она обезумела.

Как бы мы ни жили, но пятнадцать лет вместе – это срок.

3 декабря 2044 г.

Алия ушла из дому. Куда – не знаю. Искал её весь день – тщетно. Даже не знаю, жива ли она ещё. Безумие одержало ещё одну победу.

5 декабря 2044 г.

Думаю, десятая глава будет последней в поэме. Тема апокалипсиса раскрыта со всех сторон. К тому же писать всё труднее – жутко болят суставы, по всему телу – болезненные язвы, в моче появилась кровь... Думаю, мне немного осталось. Но мне и не нужно многого.

Старуха с вылезшими волосами,
Смейся, смейся беззубым ртом!
Такую смешную шутку
Сыграл с нами Бог.

7 декабря 2044 г.

Очень быстро устаю. Много лежу в постели, думаю о нашей семье, о прежней размеренной жизни.

Алекс Солярис умирает, Алекс Солт умирает, человечество умирает. Жива лишь поэзия.

Великан, посадивший грибы,
Ты собрал богатый урожай,
Зачем же ты ещё здесь?

Наверняка есть и другие миры,
Где почва так же плодородна,
Как и на этой планете.

8 декабря 2044 г.

Последний поэт,
Сияющий некогда как новенькая монета,
Теперь ты один в копилке судеб.
Но точка ещё не поставлена.
Где-то бродит Безумие
(Или уже не бродит?),
А здесь, в геометрических конструкциях жилища,
Пульсирует знак препинания – точка —
В жилах последнего поэта.
И если бы...

2004—2005 гг.

Собаки

Собака – друг человека.

Общеизвестное утверждение.

Довольно морозный день. Щёки горят от каждого дуновения ветерка.

Позавчерашнюю лыжню запылило снегом, но не это заботило Вадима. По двум полосам от широких охотничьих лыж отчётливо виднелись собачьи следы – довольно свежие. Маленькие и большие. Никак не меньше восьми собак. Это очень тревожило, потому что наверняка они проверили петли и сожрали зайцев, если те, конечно, попались.

Вадим с удовольствием прогуливал школу в пользу браконьерства. Ведь куда приятнее ходить по лесу, читать звериные следы, нежели читать «Войну и мир» Толстого. Наверняка граф Толстой понятия не имел, как ставить петли на зайцев, а Вадим знал. Главное – найти хорошую тропу, по которой зайчишки рысчат по ночам, таким образом спасаясь от трескучих январских морозов.

Позавчера парень поставил пятнадцать петель, а сегодня он намерен был собрать трофеи. Конечно, некоторые петли собьются, некоторые тропы зайцы могут просто забросить, но уж три-четыре ушастых прыгуна он должен был поместить в свой рюкзак, никак не меньше.

А вот и осинник. Вадим медленно ступал на лыжах, раздвигая низко расположенные ветви, по испоганенной псами лыжне.

– Чёртовы собаки! – ворчал мальчишка, надеясь всё-таки, что они сожрали не всю добычу. Может, стая варваров что-нибудь пропустила, а может, какой-нибудь несмышлёный зайчишка влетел в петлю уже после того, как они провели рейд. Хотя... следы слишком свежие.

В деревне давно ходили слухи, что стая бездомных собак мародёрствует в лесу, а также устраивает коллективную охоту – по принципу волчьей – на косуль и кабанов, но Вадим не верил в эту болтовню, считая, что подобными рассказнями охотники отпугивают конкурентов вроде него. Не верил до сегодняшнего дня. Он считал совершенно невероятным факт миграции бездомных собак из города в эту местность. Расстояние почти в пятьдесят километров – неблизкий путь. Неужели животным стало настолько голодно на городских помойках, что они двинули в лес? А то, что стая из города – он не сомневался. В деревне нет бездомных собак – их сжирают не менее голодные бичи, умудряясь даже снимать с цепи свирепых волкодавов во дворах состоятельных хозяев. Подобные случаи происходят каждый месяц. Собачки явно пришлые. Факт их существования очень не понравился Вадиму. Не только потому, что они преследовали его добычу. В стае голодных одичавших зверюг нет ничего хорошего.

– Поганые псы! – вновь выругался Вадим, подойдя к пер-

вой петле. Она была *выигрышной* – так сказал бы дядя Миша, страстный фанат всевозможных лотерей, но выигрыш наглым образом сожрали. На снегу осталось лишь несколько клочков заячьего пуха. Такое бывает, когда лиса набредёт на удушенного зайца, но здесь была не лиса. Следы вполне внятно говорили, что за тушку этого бедняги шла самая настоящая война – псы грызлись между собой, вытоптав площадку примерно три на три метра. Очень плохие новости. Остальные петли можно даже не проверять – в них ничего не будет. Но Вадим не мог просто так оставить их в лесу – такая хорошая проволока была большим дефицитом, поэтому петли нужно снять, что он и сделал с первой.

Вторая петля находилась в полусотне метров от первой, но она оказалась пустой – тропа заброшена, третья – тоже пусто. Вадим заботливо скручивал петли в кольцо, прежде чем закинуть их в рюкзак. Повсюду были собачьи следы. Они шли по всему охотничьему маршруту.

Вадим плавно съехал по пологому склону в овраг, где находилась ещё одна петля. Она оказалась выигрышной, но опустошённой. Та же картина: несколько капель крови, клочки пуха и утрамбованный снег вокруг. Негодование переполняло парня, но он ничего не мог поделать со сложившейся ситуацией.

«В следующий раз пойду в сторону озера, – думал он, – здесь уже делать нефиг, а там, в прибрежном лесочке, полно ушастых. К тому же, это с противоположной стороны села».

Его раздумья прервало еле слышное поскрипывание снега. На слух Вадим не жаловался, как, впрочем, и на зрение. Он резко обернулся и увидел в десяти метрах от себя тощую облезлую суку.

– Пошла отсюда! – выкрикнул Вадим, махнув рукой. Собака отскочила на полметра назад, поджав хвост, но не убежала, а оскалила зубы и прижала уши, издав глухое рычание.

– Пошла вон! – вновь крикнул он и нагнулся к земле, как бы подбирая камень – обычно этот приём действует при отпугивании собак. Но не в этот раз. Теперь сука даже не отпрыгнула, а лишь вздрогнула, подняв дыбом редкую шерсть на загривке.

Неприятный озноб пробежал от копчика к затылку парня, вздыбив все имеющиеся там волоски, как у той суки.

«Этого ещё не хватало, – подумал Вадим, совершенно растерявшись, – что же теперь делать?»

Новые выкрики и нецензурная брань результатов не дали – собака перестала на них реагировать, но стала помаленьку приближаться к мальчику, показывая, насколько хорошие у неё зубы. Сука была не очень крупная, но и не такая, которую можно просто отпихнуть ногой. Вадиму стало по-настоящему страшно, и он заорал что было сил, надеясь, что кто-нибудь его услышит. С таким же успехом он мог кричать на необитаемом острове. Правда, сука от этого ора остановилась, задрожав мелкой дрожью и обмочившись.

– А-а, не нравится, падла! – воскликнул Вадим, чувствуя,

что и сам вот-вот обмочится. И заорал ещё разок.

Собака заскулила, но отходить не собиралась.

«Что же делать? – метался мучительный вопрос в голове горе-охотника. Ответ пришёл, когда он чуть не упал, отступив на полшага и зацепившись за какой-то корень. – Конечно! Нужно выломать дубину!»

Вадим попытался сломать ближайшую молодую осину, но задача оказалась трудновыполнимой – деревце гнулось, но не ломалось.

– Чёрт побери эту осину!

А сука тем временем вновь начала наступать – медленно, по несколько сантиметров, но решительно. Неприветливое рычание лилось из её глотки вместе со слюной.

Вообще-то Вадим не очень боялся собак. Обычных собак. А эта дикая тварь мало походила на шавку, хватющую вас за штанину, выскочив из-под калитки. У этой собаки глаза горели от голода и ненависти, переполнявших её. Это могло напугать кого угодно. Тем более мальчишку.

Вадим переходил от деревца к деревцу, но лишь с четвёртой или пятой попытки ему удалось переломить замороженный ствол.

– Сейчас я до тебя доберусь, сучка! – крикнул парень, направив на противника обломанный конец осины.

На этот раз собака отбежала с позорно поджатым хвостом – метров на пять, не меньше. Но при этом она так визжала – то ли от страха, то ли от злости, – что на её визг от-

кликнулись другие собаки. Не очень далеко. Они залаяли, завизжали и завыли, давая понять товарке, что услышали её зов и готовы прийти на помощь. Так, во всяком случае, показалось Вадиму. Как бы он хотел ошибиться!

«Пора сматываться отсюда! – решил Вадим, – чёрт с ними, с этими петлями!»

Он обломал лишние ветки и верхушку своего деревца – и получилась неплохая дубинка. Вадим взмахнул ею в воздухе так, что раздался свист. Собака рыкнула в ответ, не собираясь, по-видимому, отбежать дальше.

«Пора сваливать! Но как? Путь к отступлению закрыт этой сукой и целой стаей собак, находящихся в отдалении. С этой облезлой тварью я бы уж справился как-нибудь, но свора...»

Сука не сводила гноящихся злобных глаз с мальчишки, подведённый голодом живот нервно вздрагивал.

«Придётся отступать вглубь леса, – подумал парень, – а потом попытаться обойти собак по дуге. Но сначала нужно выбраться из оврага».

Сука вскинула голову к небу и дважды исторгла хриплый вой и клубы пара из разгорячённой пасти. Ответ стаи прозвучал незамедлительно – нестройный хор голодных зверюг разного размера и возраста – уже ближе.

«Надо поторапливаться!» – паника уже готова была подхватить мальчика и утянуть его в омут безумия. Удерживала его в здравом русле лишь осиновая палка – слабая надежда

на собственное превосходство.

Второй склон оврага оказался значительно круче, чем тот, по которому он спустился. Вадим поднимался лесенкой, обходя кусты и деревья на пути, не теряя собаку из вида.

Псина заметно оживилась, видя, что потенциальная добыча пытается уйти.

– Пошлаотсюдатварь!! – закричал Вадим, но легче ему не стало. Сука залаяла, делая короткие пружинящие прыжки в сторону парня. Ей ответила стая – ещё ближе.

Мальчик заплакал, не выдержав нервного напряжения.

– Мама, мамочка, – запричитал он, двигаясь всё быстрее вверх. О боже, как ему было страшно! Дыхание сбилось, учатившись до предела. Сердце в груди затрепетало, как заяц, попавший в петлю.

– Мамочка, мама-а-а...

Собака не собиралась отступить, а, напротив, медленно наступала, спустившись уже на дно оврага. Она лаяла, бегала из стороны в сторону, скалила внушительные зубы.

– Уйди, падла! Уйди-уйди-УЙДИ-И-И... – Вадим сорвал голос от нечеловеческого крика, и теперь смог лишь прошептать:

– Уйтти!

А сука приближалась. Её уже не особенно пугали взмахи палкой, тем более Вадим больше на неё опирался при подъёме, чем махал, как оружием.

Наконец-то подъём закончен. Последний шаг лесенкой,

теперь можно ставить лыжи на лыжню и – бежать, бежать без оглядки. Но... в последнюю секунду Вадим потерял равновесие, его корпус подало назад, и он начал скатываться спиной обратно в овраг.

– Нет! – прохрипел он, попытавшись ухватиться за куст, но на кусте осталась лишь его рукавица, а сам он покатился назад по крутому ухабистому склону. В конце концов одна из лыж за что-то зацепилась, и мальчик кубарем полетел в овраг, потеряв и дубину, и надежду на спасение. Всё что он мог – это скулить и махать в воздухе руками.

Чудовищный удар о землю на мгновение затмил сознание, лишив способности вдохнуть или выдохнуть. Собака не упустила такой прекрасной возможности для неё и, подбежав к мальчику, впиалась зубами в его открытую левую руку, с намерением отхватить кисть парня на закуску. Вадим вскрикнул, вернее захрипел от нечеловеческой боли, моментально придя в себя. Удивительно, но его осиновая дубинка оказалась как раз вблизи правой руки. Вадим схватил палку и что было сил саданул хищника по голове. Собака взвизгнула, разжав челюсти, и отскочила метра на три в сторону. Пасть её обогрилась свежей человеческой кровью. Если бы не сорванный голос, Вадим вопил бы сейчас, как пожарная сирена, теперь он мог издавать лишь мучительные хрипы да изливаться горячими слезами – это сколько угодно.

Рука сильно пострадала от зубов собаки – страшная рваная рана вскрыла кисть, как консервный нож вскрывает бан-

ку тушёнки, к тому же пальцы перестали слушаться – видимо, повреждены сухожилия. Боль была настолько сильной – во всём теле, в результате падения и укуса, – что её можно было сравнить лишь с электрическим разрядом большой мощности. Спина и ноги вопили о милосердии ничуть не меньше, чем прокушенная кисть. От лыж на унтах остались лишь крепления да бесформенные деревянные огрызки. Вадим попытался пошевелить ногами. Было больно, но они двигались. Кажется, ничего не сломано. Спасибо и на этом.

Собака, вкусившая свежей крови, нетерпеливо топталась вблизи и беспрерывно рычала, не осмеливаясь вновь наброситься на мальчишку – урок дубиной по башке пошёл ей впрок.

– Чтоб ты сдохла, сука! – прохрипел Вадим и попытался встать на ноги, опираясь на палку. Ему это удалось, но боль была такой, что в глазах потемнело.

«Может, я ничего и не сломал, но досталось мне по первое число», – думал он.

Сука не собиралась подышать. С какой стати! Она вновь залаяла, брызгая слюной. Лай стаи отозвался совсем рядом. Ближе, чем хотелось бы.

– Мамочка-а-а... – отчаяние охватило Вадима и уже не хотело отпустить. Он сделал несколько мучительных шагов – больно, чертовски больно! Бежать он точно не сможет.

«Дерево! – вспыхнула спасительная мысль, – как я сразу

не догадался! Нужно влезть на дерево».

Как назло, повсюду были лишь кусты орешника да осиновый молодняк. Подходящее дерево, на котором можно спастись – в пятнадцати-двадцати метрах. Как это далеко, когда ноги превратились в болящие костыли!

Вадим, опираясь на свою дубину, двинулся к спасительной осине. «До нижней ветки можно легко дотянуться, – отметил он про себя, – лишь бы успеть». Превозмогая жуткую боль, он переставлял ноги на считанные сантиметры вперёд, а тощая сука шла за ним по пятам, не переставая рычать.

Стая собак приблизилась настолько, что почуяла кровь, текущую с левой руки Вадима. Псы залаяли, завизжали от возбуждения – на разные голоса. Боже, как близко!

Вадим попытался прибавить шагу, но каждый шаг давался ему с мучительным трудом. Горячий пот заливал глаза, мешая держать в поле зрения опасного противника.

«Боже, помоги мне! – молился Вадим, – я больше никогда не буду прогуливать школу, я прочитаю „Войну и мир“, всё что угодно, только помоги мне!»

Какофония ужасающих звуков приближающейся стаи резала слух и ввергала в дрожь. До дерева осталось всего десять шагов... девять... восемь...

Вдруг на краю оврага показалась первая оскаленная морда – огромная безухая овчарка с бешеными глазами. Она, не задерживаясь ни на секунду, влетела в два прыжка на дно оврага и помчалась к мальчишке. Появилась ещё одна соба-

ка – лохматая дворняга, затем доберман с порванной губой, потом ещё одна, ещё...

До Вадима начало доходить, что он не успеет доковылять до спасительного дерева. Он повернулся лицом к врагу, выпучив обезумевшие глаза, раскрыв рот в еле слышном вопле ужаса.

Прямо на него неслось около десятка злобных тварей – разношёрстные, разнополые, разной величины, но все яростно лающие и рычащие, опьянённые запахом крови. Тощая сука приободрилась от появления столь шумной компании и теперь тоже неслась на мальчика, раскрыв голодную пасть.

Вадим замахал своей дубинкой из стороны в сторону, надеясь отпугнуть взбешённую свору.

Но собаки не испугались...

2002 г.

Регенератор

*Регенерация (лат. – восстановление, возвращение) – воспроизведение животными утраченных органов (зоол).
Толковый словарь русского языка.*

Прошло не менее двадцати лет, прежде чем профессору Лозинскому удалось достичь своей цели – создать аппарат, способный регенерировать поврежденные живые ткани. Генетик по образованию и призванию, Владимир Лозинский был вынужден досконально изучить физику, химию, биологию и прочие науки, дабы не понаслышке иметь представление об электронике и механике, молекулярном синтезе и высшей математике. Совокупность знаний сделала его по-настоящему выдающимся учёным, разносторонним во всех отношениях. Самое главное – что знания его не ограничивались теоретическими выкладками, смутными гипотезами, он был практиком. Владимир Михайлович Лозинский собственными руками собрал первый портативный регенератор – аппарат, способный восстанавливать поврежденные ткани. Натолкнул его на эту фантастическую мысль несчастный случай, произошедший с ним более двадцати лет назад. Тогда, будучи молодым ещё младшим научным сотрудником Института генетических исследований, он попал в неле-

пую автомобильную аварию, где, по вине пьяного водителя, потерял ступню левой ноги. Дюжина мелких травм благополучно зажила. А вот ступню удалили безвозвратно, поскольку повреждения ее оказались катастрофическими. Лёжа на больничной койке, Владимир Лозинский долго размышлял на эту тему, считая, что природа несправедлива: мелкие порезы и ушибы заживают, следовательно, они регенерируют, но утрата большого количества тканей почему-то не восстанавливается. Разве это справедливо?

Примитивные формы жизни обладают удивительными способностями к регенерации, – те же дождевые черви, – но почему человек, венец природного совершенства, уступает в живучести и способности к восстановлению каким-то скользким безмозглым тварям? Вопиющая несправедливость!

Именно тогда в мозгу Лозинского застряла идея об исследовании процесса регенерации животных, дабы сделать возможным этот процесс у человека. «Чем мы хуже ящериц, восстанавливающих свой отброшенный хвост? – думал Владимир Михайлович. – Да ничем! Мы гораздо более совершенные создания, следовательно, человечество более достойно обладать этим даром».

Он еще понятия не имел, каким образом можно достичь его цели, но у него уже была ИДЕЯ, а это – половина пути к научному открытию. Вначале Лозинский думал, что с этим может справиться лишь генетика, но, как оказалось, нужно

было задействовать и другие науки, самые передовые открытия во всех областях знаний.

Когда он вернулся в Институт, хромая на незаметном, но очень неудобном протезе, коллеги встретили его с сочувствием и добродушием, но стоило ему поделиться с ними своими соображениями по поводу регенерации, сослуживцы подняли его на смех: «Нонсенс! – говорили они. – Ненаучная фантастика!». А некоторые даже с издёвкой спрашивали, не ударился ли он головой. Тогда Владимир Михайлович понял, что ему придётся заниматься этим делом одному, в нерабочее время.

«Чёрт с вами! – думал Лозинский. – Погляжу я на вас, когда создам регенератор и отхвачу за него Нобелевскую премию. Вот тогда-то, товарищи коллеги, вы умрёте от зависти, что не стали моими соавторами».

И он стал работать, занимаясь в рабочее время исключительно заданиями Института, а по ночам просиживая над толстенными фолиантами научных книг, исследовал то, что, казалось бы, до него исследовано вдоль и поперек.

Путь к открытию был нелёгок, полон ошибок и неудач, но Лозинский не отступал, каждый раз начиная всё с начала.

За эти двадцать лет он добился немалых успехов и на своей основной работе, сделал блестящую научную карьеру, став выдающимся учёным. Путь от младшего научного сотрудника до профессора кафедры генетики, доктора медицинских и биологических наук, почетного члена многих ака-

демий, он проделал без особых усилий, ибо основные его усилия были направлены на открытие века, работу над которым он до сих пор держал в тайне.

И вот наконец свершилось! Лозинский, теперь уже человек преклонных лет, держал в своих руках первый портативный регенератор, работающий от сети. Прибор отдаленно напоминал пистолет, из ствола которого вырывался тонкий луч, происхождение и природу которого я не смогу объяснить читателю, ибо и сам не смыслю в науках ни черта. А вот профессор с истинным знанием дела направлял луч на изуродованную, лишённую конечностей крысу, привязанную к свинцовой пластине, и удовлетворённо хмыкал. Его сердце переполнялось триумфальной радостью, когда прямо на глазах утраченные лапы отрастали вновь на теле верещащего то ли от боли, то ли от ужаса животного.

– Потерпи, Лариска, потерпи, – приговаривал Владимир Михайлович, продолжая облучать крысу. – Ещё чуть-чуть и лапки твои будут как новенькие.

Лозинский изо всех сил сдерживал свой восторг, чтобы не заорать, как полоумный: «Эврика!»

«Подожди, Володя, – убеждал он своё второе Я, – ещё не время, попозже ошарашишь общественность сенсацией. Вот тогда точно все лопнут от зависти!»

Лапки Лариски отросли окончательно, но профессор облучал крысу ещё несколько минут, прежде чем отключил регенератор – для пущей верности.

– Успокойся, дорогая, всё будет хорошо, – мурлыкал Лозинский, отвязывая пытающуюся укусить обидчика крысу от свинцовой пластины.

– Вот так, вот так. – Он ловко схватил животное за шкуру, не дав никаких шансов для праведной мести. – Возвращайся домой, дорогая.

Крыса в клетке. Здоровая и бодрая. Бегает из угла в угол на вновь приобретённых лапках и возмущённо пищит.

«Это невероятно! – думал он. – Я добился! Наконец-то добился! Но ещё куча работы впереди. Нужно как следует поработать с Лариской, пересмотреть все свои записи, перепроверить формулы».

Исследования крысы окончательно ошеломили Лозинского. Контрольное взвешивание показало, что животное весит меньше, чем до эксперимента! А анализы и тесты подтвердили его предположения – крыса стала...

моложе! Видимо, те несколько лишних минут, что он облучал уже полноценное животное, решили всё дело – произошло омоложение организма, регенерация всего тела.

Профессор провёл серию повторных экспериментов. Всё подтвердилось. Мало того, что отрастали утраченные органы и конечности,

омолаживались все ткани организма, так ещё и убивались все болезнетворные бактерии и вирусы, излечивались все неизлечимые до этого заболевания. Даже рак!

Теперь Владимир Лозинский наплевал на свою официаль-

ную работу, все дни и ночи проводил в небольшой домашней лаборатории. Он сделал такое открытие, которое сделает человека бессмертным. Разве это не восхитительно?!

Настал момент, когда он наконец решился провести первый эксперимент над собой. Всё готово: культя левой ноги расположена на свинцовой пластине, излучатель регенератора направлен на неё, осталось только нажать кнопку «Вкл».

– Ну, с богом! Хотя, при чем тут Бог? – Лозинский рассмехался и нажал на кнопку.

Острая боль пронзила его культю и несуществующую ступню. Казалось, что миллион раскаленных иголок вонзились в плоть. Лозинский стиснул зубы, чтобы не закричать, на лбу выступила испарина, из глаз брызнули слезы, но он не отвел регенератор в сторону, не выключил его, он готов был терпеть какую угодно боль, чтобы вновь обрести полноценную ногу.

К счастью, уже через минуту боль стала не такой острой, теперь она напоминала иглу татуировщика, но ведь одна игла – это не миллион. Культя раскраснелась, невыносимо зачесалась, но Владимир Михайлович стойко переносил любые неудобства, и уже через несколько минут ему показалось, что плоти на ноге стало чуть больше, чем было до того. Текли болезненные минуты – клетки организма регенерировали... Понадобилось десять сеансов, чтобы вновь обрести ампутированную ступню – с розовыми ногтями, с бле-

стящими черными волосками на пальцах, новенькую и ЖИВУЮ. В первые дни нога слегка побаливала, чувствовался зуд, но потом всё пришло в норму, как будто никакой травмы не было и в помине.

Лозинский торжествовал. Но это был ещё не весь его план. Лишь часть плана. Теперь он задумал полностью омолодить свой организм, вернуть себе те двадцать лет, что он потратил на работу над регенератором. Вот тогда он сможет обнародовать своё изобретение и ошеломить учёный мир, перевернув все его представления с ног на голову. Для осуществления этого замысла требовалась новая, более мощная установка регенератора. И он засел за работу.

Над созданием новой модели своего изобретения Лозинский работал более месяца. Потребовались деньги, большие деньги, и профессор вложил в это дело все свои сбережения, но и этого не хватило, пришлось брать займы. Чтобы окончательно не распрощаться с профессорским креслом, он оформил в Институте отпуск задним числом, погашая прошлые прогулы. Его отпускные тоже ушли на осуществление проекта. И вот наконец регенератор готов.

Новая установка представляла из себя небольшую кабину с бронированными и покрытыми свинцом поверхностями, с такой же мощной дверью, чтобы излучение не рассеивалось вокруг. Регенерационные излучатели располагались в разных местах так, чтобы все лучи соединялись в одном месте, в центре кабины, к тому же внутренняя обшивка ап-

парата многократно отражала упущенные лучи и направляла их на облучаемый объект. По сути дела, это было нечто, напоминающее микроволновую печь по принципу действия и внешнему виду. Пульт регенератора, находящийся снаружи кабины, предполагал как ручное, так и программное управление аппаратом. В качестве источника энергии использовалось все то же сетевое напряжение, усиленное мощным трансформатором. Таймер позволял регулировать время работы регенератора в автоматическом режиме от десяти секунд до одного часа.

Пришло время испытаний. Первые тесты прошли удачно и поражали чудодейственной силой. Казалось, что такое возможно лишь в научно-фантастическом фильме, однако всё происходило наяву, и Лозинский видел собственными глазами на экране монитора невероятные метаморфозы подопытных животных. Крысе понадобилось всего несколько секунд, чтобы из жирной взрослой особи регенерировать до розового безволосого

существа. Следующие эксперименты профессор проводил с более крупными животными – кошками и собаками. Результаты превзошли все ожидания. Пять минут – и вместо здорового дворового пса в кабине

аппарата скулит несмышлёный щенок, качающийся на толстых коротких лапах.

«Чем больше масса облучаемого объекта, тем больше энергии требуется для регенерации, тем больше времени

на это уходит», – записал Владимир Михайлович в своём блокноте, после чего вновь углубился в какие-то математические расчёты – он высчитывал предполагаемое время собственного облучения до степени омоложения на двадцать биологических лет. При учете его веса, роста и возраста, предварительные расчеты показали, что необходимо двадцать минут облучения. «Двадцать минут – двадцать лет! Надо же, какое совпадение!» – думал профессор.

Для начала таймер установлен всего на минуту. Лозинский разделся и вошел в тесную кабину, ступив босыми ногами на холодный пол, предварительно включив аппарат, фактическое включение которого производилось через десять секунд.

«Ну, ни пуха, ни пера!» – сказал он. И ответил сам себе: «К черту!».

Автоматически закрываемая дверь кабины регенератора одновременно включала таймер. Электрические приборы загудели, множество лучей вонзилось в тело профессора с характерным жжением, уже испытанным во время процесса регенерации ступни, однако, несмотря на более мощное излучение, болевые ощущения были не столь острыми, даже вполне терпимыми – возможно, тому способствовала более тщательная изоляция аппарата. Лозинский обдумывал все эти соображения, стоя под лучами регенератора, как в кабине солярия. Из раздумий его вывел писк звукового сигнала, означающий прошедшую минуту. Дверь автоматически от-

крылась.

Первым делом он побежал к зеркалу. Внешне почти ничего не изменилось: стало чуть меньше морщин на лице, чуть меньше седины на висках, чуть меньше жира на животе. Судя по расчётам, за одну минуту должны были произойти именно эти изменения. Профессор довольно улыбнулся собственному изображению, поглаживая незначительно, но помолодевшее тело.

А вот чувствовал он себя превосходно! Никакой усталости, никакой ломоты в суставах – его организм ликовал.

На всякий случай, прежде чем продолжать эксперимент, Лозинский решил перепроверить собственные расчёты. Вновь взвесившись, он засел за стол и не менее получаса манипулировал числами и формулами, пока в итоге не получил цифру 19. Всё верно, одна минута прошла, осталось девятнадцать. Только теперь он заметил, что всё это время сидел за столом абсолютно голый. Профессор рассмеялся. Впрочем, одеваться было не обязательно, ведь эксперимент по собственной регенерации Владимир Михайлович решил продолжить незамедлительно. Зачем терять время, если тело просит молодости, а душа – триумфа? Установив таймер регенератора на девятнадцать минут, профессор вновь вошёл в бронированную кабину.

Процесс пошел. Пощипывание и лёгкое жжение всего тела стали уже почти приятными, поскольку Лозинский чувствовал невероятный прилив сил. Бодрость и жизненная

энергия возвращались к нему вместе с ушедшей – казалось бы, навсегда – молодостью. Буквально на глазах кожа становилась гладкой, мышцы – упругими. Владимир Михайлович не видел своего лица, но знал, что ему возвращается молодость так же, как и всему организму. Благодатная эйфория от осознания своей гениальности и грядущего бессмертия слегка кружила голову, наполняя тело невероятной лёгкостью и одновременно мощью. Казалось, подпрыгнешь вверх – и невидимые крылья устремят в заоблачные дали, стоит лишь освободиться от замкнутого пространства кабины.

Девятнадцать минут истекали, оставалось не более тридцати секунд работы регенератора, когда случилась неожиданность – внезапно погас свет. Лозинский не предусмотрел этого при строительстве аппарата и не снабдил его автономным источником питания, к тому же на это не оставалось денег, приходилось считать каждую копейку, чтобы довести проект до конца.

– Чёрт! – выругался профессор. – Чёртова совдепия!

Он нащупал дверь, толкнул ее, но она не поддавалась, ибо запорное устройство не сработало при отключении электричества на открывание, а мощная бронированная дверь не была снабжена никакой ручкой, никаким ключом, опирающим надёжную дверь изнутри.

– Вот ведь горе-изобретатель! – невесело усмехнулся Лозинский, отметив про себя, что голос его стал тоже молодым,

звонким, насыщенным. – И что же теперь делать?

Он оказался в ловушке, сделанной самолично. Такая мелочь как дверная ручка, упущенная при проектировании регенератора, не выпускала его наружу, навстречу своему триумфу. Оставалось только надеяться, что, когда включится свет, ничего не перегорит и программа, доработав до конца, распахнет вертикальный гроб. Не хотелось погибнуть молодым в этой чёртовой западне лишь потому, что двери не раскроются. Лозинский нервничал. Полная темнота лишь усугубляла клаустрофобию, появившуюся вдруг. Он почувствовал, что неприятные холодные струйки пота потекли по всему телу, и этот пот пах ужасом, надвигающейся паникой.

Включился свет – так же внезапно, как и погас. Регенератор заработал. Профессор облегченно вздохнул.

Он не мог видеть, что на табло таймера светится цифра 19. Лозинский запаниковал лишь тогда, когда почувствовал, что из крепкого молодого человека он стал превращаться в подростка. Он закричал, забарабанил кулаками в дверь, но усилия его оставались тщетными —

машина добросовестно выполняла свою работу, регенерировала все ткани организма, омолаживала его, превращая угловатого подростка в тщедушного мальчишку.

Так как масса тела облучаемого объекта уменьшалась, процесс ускорялся. Теперь уже не Владимир Михайлович, а мальчик Вова упал на пол кабины регенератора и отчаянно заплакал, осознав чудовищность своего положения. Он пла-

кал, становясь всё младше. Уже через минуту он не смог бы назвать причину своего горя – его мозг тоже становился молодым и обновлённым. Он просто плакал...

Цифры на табло остановились, теперь это были нули. Звуковой сигнал оповестил пустую комнату о завершении регенерации. Дверь кабины распахнулась. Но кабина была пуста, если не считать небольшого комочка слизи на металлическом полу.

2005 г.

Цветы папоротника

Купальская ночь. Стрекотание кузнечиков и разноголосье лягушек слились воедино, как пение в хороводах. У реки горят костры, молодёжь забавляется, играет, озорничает.

«Эх, мне б те годы!» – думает Третьяк, пробираясь через еловый валежник.

Он в свои семьдесят ещё помнит сказки бабушки, помнит предания и былины, которые слепой гусяр пел в далёкие годы его детства. Третьяк не только помнит всё это, но и искренне верит. Нынче молодёжь уже не та: на праздники ходят лишь затем, чтобы, напившись браги, повеселиться вдоволь, а не для того, чтобы отдать богам должное. Они стали забывать богов-предков, и потому боги отвернулись от русичей. Что ни год, то новая напасть: то набеги иноземцев, то междоусобицы, то засуха, то град...

Третьяк вышел на звериную тропу, ведущую в самую глубь леса. Его посох то и дело цеплялся за коряжистые корневища деревьев и кустарников, лапти заметно пообтрепались об траву и сухие ветви, ноги гудели, как дуплистые стволы в ветер. Присесть бы на пенёк, отдохнуть бы, но нет, нельзя, нужно спешить, ибо папоротник цветёт лишь сегодня, в Купалу, в самую полночь. Третьяк помнил от бабки и от бродячего гусяра, что кто увидит цветущий папоротник, может попросить у богов всё, что угодно – и сбудется ему.

Красава всегда смеялась над его детской верой в чудеса, говорила, что он подобен чаду несмышлёному, но Третьяк не обижался на неё, ибо любил её крепче жизни.

Они сошлись в такую же ночь, на Купалу, лет пятьдесят назад, а может и больше... Разве упомнишь всё, когда за плечами – годы и годы многотрудной жизни, войн, болезней...

Красава поддразнивала его, прыгая через костёр: задирала юбки выше, чем следовало, смеялась громче, чем обычно, а Третьяк, не будь дураком, хватать её за руки – и в лес! Уж они любились-миловались чуть не до утра.

– Ой! – спохватилась Красава. – Девчата, небось, уже побросали венки в реку. А я-то?!

– Да на что тебе те венки? – бормотал Третьяк, не желая уgomониться.

– А как же я узнаю, выйду ли замуж нынче? – В её голосе слышалась лукавинка.

– Я тебе и без гадания скажу: выйдешь!

– Почём знаешь? Уж не ты ли возьмёшь? – Красава уже смеялась.

– Я и возьму, – отвечал Третьяк. – Нынче же, как жито уберём.

Сдержал он своё слово. Сыграли свадьбу на зависть. Зажили ладно да складно. Третьяк дом построил, детей нарожали, затем женили их, замуж поотдавали...

А потом будто разгневались боги на русичей: первая же междоусобица отняла у них старшего, Радомира, а детей его

и жонку древляне в полон забрали.

А третьего сына, Черняка, иноземцы к кресту гвоздями железными прибили. Мол, нашего бога не приемлешь, так и мучайся на кресту, как господь наш мучился. Детки-сироты Черняковы Третьяку достались, а баба его умом тронулась, да и в реке утопилась.

А лет двадцать назад пришёл Чёрный Мор и забрал столько, что и рассказать страшно: Добрыня и Борис, Лада и Любава... Один из сыновей лишь остался – Егорка. Да и тот непутёвый: бегал за бродячими сказителями, греческой грамоте у них учился, а как вырос, так и убёг на волю вольную. Теперь Третьяк видит его редко, только встречи те радости не приносят: Егорка зовётся нынче Егорием, книгу в мешке носит, про чужого бога распятого рассказывает... Тьфу! Хоть бы память Черняка чтил, отпрыск недостойный!

Всё бы ничего, русский человек к бедам и напастям приспособлен, вроде как даже крепчает от них, только Красава на шестом десятке захворала, иссохла совсем.

– Незачем мне жить боле, – говорила она Третьяку. – Детки мои сгинули, так и мне дорога туда.

– А Егорка! Егорка жив-то!

– Отрезанный ломоть Егорка наш. Тоже вроде как помер – внуков от него не дождёшься.

– Красава, неужто тебе Черняка деток мало? Пятеро душ на нас. Миколка совсем ещё малой!

– Ах, Третьяк, устала я. Черняк громче зовёт, чем дет-

ки его.

Так и померла Красава.

Тяжело было Третьяку, но внуков вырастил, теперь разбрелись они по свету – кто куда... А бабу никакую в свою избу так и не привёл, так и прожил бобылём до глубокой старости – Красаву забыть не мог...

Третьяк вспугнул беспечную парочку – прямо на тропинке любовались-миловались.

– Чтоб вас!

Брызнула смехом молодёжь – и в кусты бегом! Отрок портки на ходу подтягивает, ломится сквозь орешник, как сохатый, а девица – за ним, звенит колокольчиком.

– Черти окаянные! Думал, лешак с русалками тешатся. Напугали старика!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.